

You have downloaded a document from
RE-BUS
repository of the University of Silesia in Katowice

Title: Frazematische sredstva ocenki v azyke polityki v pol'sko-russkom sopostavlenii

Author: Macej Laboha

Citation style: Laboha Macej. (2015). Frazematische sredstva ocenki v azyke polityki v pol'sko-russkom sopostavlenii. W: A. Charciarek, P. Czerwiński (red.), "Oblicza przeciwnika : język a rzeczywistość w kategoriach ekspresji, polityki, ideologii " (S. 107-128). Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego

Uznanie autorstwa - Użycie niekomercyjne - Bez utworów zależnych Polska - Licencja ta zezwala na rozpowszechnianie, przedstawianie i wykonywanie utworu jedynie w celach niekomercyjnych oraz pod warunkiem zachowania go w oryginalnej postaci (nie tworzenia utworów zależnych).

Мачей Лябоха

Фразематические средства оценки в языке политики в польско-русском сопоставлении

1. Введение

С точки зрения средств выражения оценочности, ее имплицитности и эксплицитности, с отнесением их к субъекту или объекту оценки (лицу, группе лиц, ситуации), язык политики представляет собой особую ценность. Благодаря его соответствующему анализу становится возможным определение как ценностей, признаваемых и объявляемых субъектом оценки, так и отношение субъекта к своим оппонентам, на основе чего можно делать вывод о характере и особенностях самого субъекта. Этот язык служит также источником знаний о вербальных стратегиях привлечения внимания избирателей, завоевания общественной поддержки, о средствах явной и скрытой дискредитации оппонента, а нередко и манипуляции.

Способ существования языка политики вписывается в суть самой политики как игры либо борьбы — за возможность управлять обществом, получая при этом определенные личные выгоды, связываемые с участием во власти и ее осуществлением. Согласно дефиниции, политика главным образом понимается как деятельность (образ деятельности) общественных групп и организаций, партий, представителей органов государственной власти (правительства) или конкретного человека¹. В словарных и энцик-

¹ См., например, статьи в электронном словаре *Słownik języka polskiego* PWN (2003) и интернет-словаре русского языка, размещенном на сайте <http://gramota.ru> [14.05.2014].

лопедических статьях прослеживается также понимание *политики* как «событий общественной, государственной жизни»² или «общественной жизни, связанной с делами государства или территориальной общности»³. Однако есть и обиходное понимание слова *политика*, которое соотносится с «чым-л. ловким, продуманным поведением с целью достижения задуманного», что также следовало бы вписывать в контекст политической игры-борьбы, поскольку применительно к целому ряду политиков с таким поведением приходится сталкиваться постоянно. Показательной в указанном отношении будет цитата из *Словаря философии*, которая извлекает и конденсирует суть политики, давая при этом характеристику участвующих в ней *игроков*: «любые политически активные лица и институты фактически часто действуют исключительно в собственном интересе [...], их способность участвовать во власти зависит от поддержки более широких общественных групп». В связи с этим они вынуждены «отчасти руководствоваться и публичным (общим, общественным) интересом»⁴.

В дальнейшей части работы обсудим теоретически существенные, с нашей точки зрения, вопросы, связанные с языком политики, а затем представим языковые элементы политической игры-борьбы на примере фразем и их контекстуальных актуализаций. В заключение попытаемся сформулировать предварительные выводы о природе функционирования фразем в языке политики, а также приведем некоторые общие замечания на основании текстов, которые анализировались при отборе материала.

1.2. Система ценностей как средство экспрессии и воздействия на адресата

«Наличие элементов борьбы, — как отмечает Агата Малыска, — наводит на мысль о существовании разных систем ценностей у политиков»⁵. Как пишет Ежи Бартминьски, «ценности являются ядром каждой культуры, определяют направление человеческих стремлений, вызывают эмоции,

² <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%EF%EE%EB%E8%F2%E8%EA%E0&all=x> (14.05.2014).

³ *Słownik filozofii*. Red. J. HARTMAN. Kraków 2004, s. 171. Цитаты из польских источников даются в авторском переводе (М.Л.).

⁴ *Ibidem*, с. 171.

⁵ А. МАЛЫСКА: *Językowe środki wartościujące negatywnie we współczesnych przemówieniach sejmowych*. W: *Antynomie wartości. Problematyka aksjologiczna w językoznawstwie*. Red. А. OSKIERA. Łódź 2007, s. 85.

побуждают к действиям»⁶. В связи с этим наиболее эффективным способом общения политиков с избирателями следует считать коммуникативную стратегию, в основу которой положены именно признаваемые или создаваемые ими ценности (либо, напротив, антиценности), воздействующие на адресата высказывания (слушателя, читателя). Попутно необходимо отметить, что адресат высказывания необязательно тождествен с адресатом как объектом оценки.

Проблема воздействия на адресата связывается обычно с импрессивной функцией языка. Однако в случае языка политики, как представляется, более обоснованным было бы говорить о смешанных типах текстов, для которых типична диффузия экспрессивных и импрессивных элементов. И в том, и в другом случае существенную роль играет оценочность. О таком публицистическом жанре, как комментарий, У. Жидек-Беднарчук пишет: «Композиционные схемы комментария содержат чаще всех аргументационные, дискурсивные или оценочно-описательные структуры»⁷. Рассматривая далее особенности текстов экспрессивного характера, она подчеркивает: «Адресант выражает в тексте не только чувства, но и оценочные суждения. Они являются своеобразной информацией и представляют позицию адресанта»⁸.

1.3. Идеология как система ценностей

С понятием системы ценностей неразрывно связывается понятие *идеологии* как культурно обусловленной совокупности представлений о мире и суждений о нем. Она охватывает, в частности, определенные нормы, касающиеся обычаев, морали, права, которые, по убеждению тех, кто их отстаивает, должны обязывать в обществе. Идеология в формализованном политическом виде черпает также из политических, а также социологических (общественных) убеждений и требований, поставленных в основу философских и других научных трудов, которые создавались на разных исторических этапах развития цивилизаций и в разных социополитических условиях. Воздействие идеологии на определенные группы людей и силу антагонистического воздействия идеологий друг на друга можно усматри-

⁶ J. BARTMIŃSKI: *Zmiany rozumienia nazw wartości w okresie transformacji ustrojowej w Polsce*. W: *Język. Wartości. Polityka. Zmiany rozumienia nazw wartości w okresie transformacji ustrojowej w Polsce. Raport z badań empirycznych*. Red. J. BARTMIŃSKI. Lublin, 2006, s. 8.

⁷ U. ŻYDEK-BEDNARCZUK: *Wprowadzenie do lingwistycznej analizy tekstu*. Kraków 2005, s. 215.

⁸ Ibidem, s. 224.

вать в определенной мере именно в соединении национальных и исторически сложившихся мироощущений (связанных с определенными слоями общества), часто основанных на трагических, а также вызывающих крайние эмоции событиях, с научными идеями. Говоря о роли идеологии в политике и языке политики, не следует забывать и о том, что по причине ее «связи с жизненными интересами групп людей и их коллективным сознанием, [...] она высвобождает особо сильные эмоции [...], лежит в основе многих проявлений коллективного поведения — беспорядков, манифестаций, демонстраций [...], является сферой конфликтов и несогласий»⁹.

Слово *идеология* нередко несет немалую аксиологическую нагрузку. Ярким примером можно считать придание в последнее время гендерным исследованиям негативной окраски, определяя их термином *идеология гендер*, согласно оценке представителей Польской католической церкви и прокатолических политических фракций, а также симпатизирующей данному мировоззрению прессы. Как указывается в статье толкового словаря политики под ред. Ирины Осадчей, *идеология* «имеет различные сопутствующие значения и, по крайней мере, в отношении основного значения обязательно содержит уничижительную оценку: именно *идеологией*, как правило, обозначают идеи и воззрения других, но никогда — свои собственные»¹⁰. Подобным образом и слово *гендер*, как синоним определения *гендерные исследования*, нейтральное в общенаучном контексте, либо окрашенное положительно в среде, например, феминисток, становится негативным, как в семантическом, так и в коннотативном отношениях, в языке идеологических оппонентов: *propagowanie środowisk homoseksualnych, lobby pedofilskie, dyskryminacja mężczyzn, chory projekt, eksperymenty na dzieciach*¹¹ и пр. И хотя с категорическим утверждением о том, что *идеологией* никогда не называют свои собственные воззрения, можно не согласиться (дефиниция в цитируемом нами словаре философии, например, говорит о пейоративном значении как основном, но не единственном¹²), употребление слова *идеология* по отношению к гендерным исследованиям можно считать далеко не случайным и показательным.

⁹ P. SZTOMPKA: *Socjologia. Analiza społeczeństwa*. Kraków 2012, s. 365.

¹⁰ <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/62/Идеология> (14.05.2014).

¹¹ <http://wpolityce.pl/wydarzenia/63106-ideologia-gender-po-przedszkolach-wciska-sie-doszkol-podstawowych-my-rodzice-musimy-sie-jakos-temu-przeciwwstawic> (14.05.2014).

¹² *Słownik filozofii...*, s. 103.

1.4. Вербальные средства выражения оценки

Одни и те же факты, явления или события, как известно, могут оцениваться по-разному в зависимости от «точки отсчета», т.е. того, какую идеологию, а следовательно, и какие ценности признает адресант (говорящий), что, по сути, обозначает отсутствие ценностных постоянных, или констант. «Аксиологическая окраска основывается на определенных предпосылках, которые составляют исторически, этнически, культурно, общественно, индивидуально и т.д. насыщенные системы ценностей [...], а способы аксиологической интерпретации одного и того же события на фоне разнообразных систем ценностей могут быть крайне отличны»¹³. К этим словам Александра Киклевича необходимо добавить, что, хотя способы аксиологической интерпретации одного и того же события на фоне разнообразных систем ценностей могут различаться, то по отношению к разным событиям, а иногда даже и к одному и тому же, языковые средства оценки, с точки зрения иных систем, могут быть сходны, а даже идентичны.

Оценка может выражаться разнообразным спектром языковых средств. «Оценка как ценностный аспект значения присутствует в самых разных языковых выражениях. Она может быть ограничена элементами, меньшими, чем слово, а может характеризовать и группу слов, и целое высказывание». При этом нередко «оценочный смысл приобретают высказывания со словами, которые сами по себе оценочными не являются»¹⁴. Аксиологический оттенок может передавать морфема, он может проявляться в интонации, а может быть выраженным благодаря сопоставлению сказанного с внеязыковой ситуацией. Как замечает Анна Пайдзиньска, существенное место среди лексических аксиологических показателей занимают фразеологизмы, которые могут представлять оценку как имплицитно, так и эксплицитно, а также являться источником знаний о системе ценностей и аксиологических предпочтениях общности, которая к ним прибегает¹⁵.

¹³ А. КИКЛЕВИЧ: *Modalność aksjologiczna w tekście artystycznym (na przykładzie wartościowania osób w powieści Barbary Kosmowskiej Teren Prywatny)*. „Poradnik językowy” 2008, nr 6, s. 16.

¹⁴ Е.М. ВОЛЬФ: *Функциональная семантика оценки*. Москва 1985, с. 6—7 и посл.

¹⁵ А. ПАЙДЗИНЬСКА: *Wartościowanie we frazeologii*. W: „Język a Kultura”. Т. 3. Red. J. PUZYNIŃA, J. ANUSIEWICZ. Wrocław 1991, s. 15.

1.4.1. Фраземы как средство выражения оценки в языке политики

В настоящей работе мы предлагаем воспользоваться понятием *фразама*, более широким по сравнению с понятием *фразеологизм*. Во фразеологической традиции, как известно, наметились два основных течения: одно из них выдвигало на первый план критерий семантической связности, другое — подчеркивало воспроизводимость конкретных единиц в конкретных ситуативных условиях¹⁶. Иначе говоря, в первом случае статус фразеологизма получали те единицы, в которых «целостное значение не было мотивировано единичными значениями»¹⁷ (сюда входят фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания), а во втором акцент был перенесен на способ выражения определенного содержания с помощью постоянных готовых языковых форм и формул. Вторая из представленных точек зрения повлияла на формирование в польской лингвистике теории фразематики, разработанной Войцехом Хлебдой.

Термин *фразама* для исследования оценочности высказываний политиков или сторонников определенных политических фракций, востребован потому, что он подчеркивает воспроизводимость языковых единиц в конкретных коммуникативных ситуациях, т.е. делает упор на предположение о постоянности и повторяемости языковых форм в оценочных высказываниях в зависимости или вне зависимости от, например, идеологических факторов. Кроме того, он открывает возможность более широкого восприятия повторяемых оценочных форм в последующих исследованиях. Соответствующий контекст может придавать значение оценки также формам речевого этикета, фольклорным формулам и прагматическим выражениям (все они входят в понятие фраземы)¹⁸ и др.

¹⁶ См. более подробно в W. CHLEBDA: *Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy*. Opole 1991, с. 6—9 и посл. См. также: J. KURKIEWICZ: *Frazemy w Wielkim słowniku języka polskiego — zasady doboru, źródła i schemat opisu*. W: *Nowe studia leksykograficzne 2*. Red. P. ŻMIGRODZKI, R. PRZYBYLSKA. Kraków 2008, s. 61—65.

¹⁷ J. KURKIEWICZ: *Frazemy w Wielkim słowniku języka polskiego...*, s. 62.

¹⁸ В. Хлебда замечает, что с понятием фраземы связаны многочисленные интерпретации, которые размыывают ее суть и могут приводить к разного рода неточностям. Главный представитель польской фразематической школы пишет: «frazem, który miał być frazeologii jednostką jedyną, czyli zbiorczą, jednostką-zwornikiem, hiperonimem gromadzącym pod swoimi szerokimi skrzydłami i frazeologizmy klasyczne (idiomy), i terminy złożone, i formuły etykietałne, wyrażenia funkcyjne, przysłowia, porzekadła, powiedzonka i wiele innych gatunków utartych wielowyrazowców — doznał poważnego urazu i stał się terminem niesprawnym. [...] poważna część polskich językoznawców uznała, że nie ma potrzeby nazywania frazemem tego, co dotychczas było nazywane „frazeologizmem” [...] W rezultacie zaczęto mówić — całkowicie wbrew mojej intencji — oddzielnie o frazeologii, a oddzielnie o frazematyce». В связи с этим

1.5. Этика и мораль. Этическая и моральная оценки

Как отмечается в аксиологической литературе, «ни одно понятие не находит в языке такого разнообразия классификаций, таких разнохарактерных подходов к анализу, такого множества трактовок и такой блистательной плеяды исследователей в истории лингвистических учений от античности до современности, как оценка»¹⁹. В связи с этим мы не будем рассматривать разных существующих подходов к классификации видов оценки, ограничиваясь только одним ее типом — этической (или моральной) оценкой. Она реализуется с помощью таких прилагательных, как *справедливый, добрый, правдивый, истинный, лживый, обманчивый, фальшивый, коварный, предательский* и т.д.²⁰

Сопоставление в одном классе явлений этики и морали может вызывать вопрос об их определении и корреляции. Этика и мораль, с философской точки зрения, составляют две стороны одной медали. Разница, главным образом, заключается в том, что мораль — это уже сложившаяся в определенных историко-культурных условиях система ценностей, идей, норм, убеждений и т.д., обязывающих в какой-то общности, в то время как этика, будучи предметом философии, занимается, во-первых, исследованием этих ценностей, идей, норм и убеждений, критической рефлексией над ними, а во-вторых, формулированием принципов, правил и норм поведения вместе с их обоснованием²¹. Таким образом, этику следует рассматривать как систему ценностей, выработанную человеком вне его «естественных», «природных» убеждений, сформированную в результате процесса воспитания в какой-то общественной группе (хотя и неоднократно совпадающих с моралью). Она понимается как отвлеченная интеллектуально выработанная система ценностей, которая создает рамки достойного сосуществования всех людей, независимо от их государственной, национальной, религиозной или какой бы то ни было принадлежности.

автор вводит новое понятие — *репродукт*, которое охватывает все возможные прежние фразематические реализации, включая в это и отдельные слова, которые подлежат процессу речевой репродукции в конкретной повторяемой ситуации для выражения одного и того же смысла. В настоящей работе мы не будем принимать во внимание отдельных изолированных слов, поэтому придерживаемся термина *фразема*. См.: W. CHLEBDA: *Idiomatykon 4.: gdzie jesteśmy, dokąd zmierzamy (i parę zdań o tym, skąd przychodzimy)*. W: *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski*. Z. 4. Red. W. CHLEBDA. Opole 2009, s. 23.

¹⁹ О.А. Домридонтлова: *Категория оценки и оценочная категоризация с позиции современной лингвистики*. «Альманах современной науки и образования» 2009, 2 (21), с. 47.

²⁰ Классификацию типов оценок представляет, например, А. Киклевич. См.: А. KIKLEWICZ: *Modalność aksjologiczna w tekście artystycznym...*, s. 14.

²¹ *Słownik filozofii...*, s. 54—55, 142—143.

Выбор типа оценок связан, как нам кажется, с их элементарным местом в системах ценностей человека (*добро — зло*), из чего следует их фундаментальное эмоциональное значение (напр., *лживый, предательский*). Это, но нашему мнению, первично-оценочные элементы, которые в контексте политики обладают сильным потенциалом воздействия на избирателя как адресата.

Как было уже сказано, оценка может выражаться по-разному различными субъектами. Одной из стоящих перед нами задач будет показать проявления и способы функционирования оценочных фразем в политическом тексте. Рассматриваемые фраземы выбирались из текстов польских политиков — Януша Паликота (<http://palikot.blog.onet.pl/>) и Яна Хартмана²² (<http://hartman.blog.polityka.pl/>), наиболее представительных членов партии *Twój Ruch*, а также Яцека Курского — одного лидеров партии *Solidarna Polska* (<http://jacekkurski.blogspot.com>). Все они являются активными участниками польской политической жизни последнего времени. Польские фраземы и их контексты сопоставлялись нами с соответствующими фраземами и контекстами русского языка политики.

2. Оценочные текстовые проявления фразем в языке политики

2.1. Фраземы со значением: *ложь, обман* и т.д.

В самом центре этических (моральных) оценок лежат понятия *добра* и *зла*, а также *правды* и *лжи*, нередко взаимосвязываемых в системах ценностей: *истина (правда)* — это *добро*, а *ложь*, соответственно, — *зло*. *Ложь* открывает собой целый ряд синонимов²³: *неправда* ('прямое отрицание, противоположность *правды*, отсутствие *правды*'), *фальшь*, *обман* ('намеренное введение других в заблуждение'), *неискренность* ('укрывание подлинных чувств и мыслей'), *лицемерие* ('несоответствие действий истинным чувствам'), *притворство* ('лицемерное, лживое поведение с целью ввести в обман, в заблуждение') и т.д. По сути, *ложь*, во всех своих проявлениях, это очень сильная антиценность.

²² Я. Хартман является одновременно редактором цитируемого нами *Словаря философии*.

²³ Все толкования приводим по словарным ресурсам портала Грамота.ру.

Приписывание *лжи* политическому оппоненту можно встретить во многих высказываниях политиков, нередко при этом без выяснения степени реальной обоснованности подобного мнения. Возвращаясь к проблеме гендерных исследований, не будет преувеличением сказать, что обе участвующие стороны обсуждаемого вопроса приписывают друг другу нечестность с попыткой ввести адресатов своих сообщений в заблуждение. Это находит свое выражение, например, во фраземах (*nie*) *dać się ogłupić*, (*nie*) *dać się nabrać* (т.е. (*не*) *дать себя одурманить*, (*не*) *дать себя обмануть*)²⁴:

- (1) *Perfidia i zdradliwość tej ideologii polega na tym, że tematyka gender najczęściej pojawia się w kontekście edukacji i jest ogólnie kojarzona jedynie z walką przeciw dyskryminacji płci, czyli czymś poniekąd bardzo słusznym i postępowym. [...] Czy wiedząc czym w rzeczywistości jest ideologia gender mamy się poddać presji tej ideologii? Czy mamy **dać się ogłupić** zapleczeniem takich autorytetów, jak wymienione wyżej organizacje i struktury?*²⁵
- (2) *„Ideologia gender”, z którą od trzech miesięcy walczy Kościół, to wymysł samego Kościoła. [...] To kłamstwo i oszczerstwo! Nie **dajcie się ogłupić** tej niegodziwej, na wskroś kłamliwej propagandzie. [...] „Ideologia gender” jest dla Kościoła tym, czym w średniowieczu były walki z szatanem albo heretykami, odwracające uwagę ludzi od biedy i chorób*²⁶.
- (3) *Bądźcie chrześcijanami — dawajcie świadectwo prawdzie! Nie pozwólcie, by Wasi biskupi okłamywali Was i traktowali jak idiotów — **dających się nabrać** na prostą kampanię oszczerstw. Weźcie swój Kościół w swoje ręce! Nie bójcie się! Macie za sobą wielu duchownych i świeckich ludzi dobrej woli. Macie za sobą papieża*²⁷.

Что особенно интересно, в обоих случаях мы имеем дело с высказываниями представителей академической среды, хотя и в очевидном политико-идеологическом контексте. Ряд других аксиологически насыщенных единиц в текстах, из которых были взяты данные отрывки, усиливает оценочное значение приводимых фразем: (1) *perfidia, zdradliwość, presja, ideologia, lewacki, wrogi (Bogu, wierze)* и пр.; (2)—(3) *kłamstwo, oszczerstwo, kłamliwy, propaganda, okłamywać* и т.д. В первом случае авторы, члены университетской комиссии профсоюза «Солидарность» Торунского университета имени Николая Коперника, отчетливо заявляют о своей системе ценностей: «[...] nasze działania opierają się na gruncie etyki chrześcijańskiej i katolickiej nauki społecznej», т.е. относят ее к вере в христианского Бога,

²⁴ Оригинальное форматирование текста во всех приводимых примерах снято нами. Полу жирный шрифт использовался для выделения рассматриваемых фразем (М.Л.).

²⁵ <http://www.solidarnosc.umk.pl/?p=3700> [21.05.2014].

²⁶ <http://hartman.blog.polityka.pl/2013/12/27/szwadrony-gender-ida/> [21.05.2014].

²⁷ Ibidem.

которую исповедуют. Что касается второго и третьего случаев, здесь имеем дело с автором, который представляет, как можно полагать, просветительское мировоззрение, являясь профессором Ягеллонского университета и сотрудничая с партией *Twój Ruch*, известной своим выступлениями против католической церкви.

Примером употребления выражения *(не) дать себя одурманить* для русского публицистического языка в отношении политических идеологий можно считать ниже приводимый фрагмент (4), хотя текст, из которого он взят, не вписывается прямо и непосредственно в текущую политическую борьбу, как процитированные польские примеры, скорее в общеидеологическую, выражая протест его авторов, родителей убитой журналистки Анастасии Бабуровой, против неонацистской, националистической идеологии. Примером для выражения *дать себя обмануть*, в свою очередь, будет употребление его в конкретной политической ситуации (5). Автор данного текста, сопредседатель «Комитета 2008», высказывается против представителей современной российской власти и конкретно Владимира Путина в контексте президентских выборов 2004 года:

- (4) *Мы знаем, что неонацисты нагло рвутся к власти. Многие из них выдвигали себя кандидатами от разных партий. Россиянам нужно быть очень бдительными, чтобы не дать себя одурманить и чтобы неонацисты со своими красивыми лозунгами — «Россия для русских» и прочими — не пришли к власти. Истинные мысли у них совершенно другие²⁸.*
- (5) *Избирателям «Комитет 2008» рекомендует «не дать себя обмануть». [...] «Простыми словами, мы призываем не голосовать ни за какое имя в бюллетене, — объяснил Пархоменко. — Можно не ходить на выборы, можно голосовать ‘против всех’, можно порвать бюллетень или забрать его с собой. Есть много способов не участвовать в фарсе»²⁹.*

Несколько иным оттенком противопоставленного значения *ложь/обман* обладают такие единицы, как синонимические фраземы *zastłona dympna* (рус. *дымовая завеса*) и *odwrócić uwagę* (рус. *отвлечь внимание*), которая уже появилась в примере (2) в деепричастной форме: *odwracając uwagę*. Во-первых, данные единицы не содержат лексем, которые сами по себе несут негативную окраску, как в случае единиц *ogłupić* — *одурманить*, *oszukać* — *обмануть*. Во-вторых, изначально они означают явления, не оцениваемые как негативные. Первая из приведенных фразем относится к военной сфере, к тактическим действиям и мерам, предпринимаемым в ходе воен-

²⁸ <http://www.memo.ru/d/105736.html> [21.05.2014].

²⁹ <http://grani.ru/Politics/Russia/President/m.62106.html> [21.05.2014].

ных действий. Вторая может употребляться для обозначения аналогичных действий, а также в контексте, например, спортивных, карточных и других игр, фокусов и т.п. В первоначальных значениях характеризуемых выражений речь идет о скрытии некоторых действий от врага (на войне), другого игрока (в спортивных, карточных играх), от зрителя (во время выступлений фокусников) с целью добиться желаемого эффекта. Во всех данных сферах подобные действия воспринимаются как нечто естественное и не негативное. Негативную окраску рассматриваемые единицы приобретают лишь при их перенесении в другой контекст, приобретая значение 'обмануть'. Обратимся к примерам их употребления в польском и русском материале:

- (6) „*Ideologia gender*” [to] wróg skonstruowany przez duchownych i służący jako **zasłona dymna** dla coraz liczniej ujawnianych przypadków pedofilii w Kościele. Zamiast moralnego samooczyszczenia, wyznania win i naprawienia szkód, hierarchowie Kościoła postanowili zaatakować „zło” [...] **odwracając uwagę** swoich własnych win — pedofilii i jej systematycznego ukrywania³⁰.
- (7) Депутат «НУ-НС» [«Наша Украина — Народная Самооборона】 Ирина Геращенко называла законопроект о клевете «**дымовой завесой**» для **отвлечения внимания**. Закон в первом чтении приняли в разгар избирательной кампании, когда «каждый день все СМИ получают информацию о том, что происходит с формированием ОИК, участковых избирательных комиссий, где идут махинации, мухляж, фальсификации»³¹.
- (8) Путинское правительство собирается 17-го экстренно принять закон о т.н. «реформе» Академии в самом разрушительном, первоначальном, варианте — убрав даже косметические поправки. Все двухмесячные переговоры между Правительством и Президиумом оказались **дымовой завесой**, а гарантии, публично данные Путиным Форткову 4-го сентября, — чистейшим враньём [...]³².

Пример (6) иллюстрирует вопрос о дискуссии, разгоревшейся вокруг гендерных исследований. Его автор, Я. Хартман, считает, что создание *врага* под видом *идеологии гендер* позволяет католической церкви в Польше *отвлечь внимание* от ее собственных проблем и прегрешений, в первую очередь, от *педофилии*.

³⁰ <http://hartman.blog.polityka.pl/2013/12/27/...> [21.05.2014].

³¹ http://zn.ua/POLITICS/v_oppozitsii_schitayut_zakon_o_klevete_dymovoy_zavesoy_dlya_falsifikatsiy_na_vy_borah_.html [21.05.2014].

³² <http://www.odnako.org/blogs/noviy-vitok-ran-voyni-uchyonie-dogovoryonnosti-s-prezidentom-izvratili-radikali-zovut-k-akademicheskoy/> [21.05.2014].

Пример (7) относится к принятию закона о клевете во время избирательной кампании 2012 года на Украине. Особое внимание привлекают сильно окрашенные аксиологически единицы, использованные Ириной Герщенко, такие, как *машинации* (польск. *machinacje*), *мухляж* (польск. разг. *kanty; kantowanie*), *фальсификация* (польск. *falszowanie*), т.е. *обман*, но под маской.

Пример (8), в свою очередь, представляет текст блогера, палеонтолога и писателя Кирилла Еськова относительно законопроекта 2013 года о реформе Российской академии наук. В последнем примере, помимо выделенной нами фраземы, внимание обращает и единица *враньё*, или (если смотреть фразематически) *чистейшее враньё*, которое скрывается под *дымовой завесой*.

Во всех приводимых примерах единицы *zastona dymna* (рус. *дымовая завеса*) и *odwrócić uwagę* (рус. *отвлечь внимание*) позволяют негативно охарактеризовать оппонента, обнаруживая, по мнению авторов сообщений, его фальшивую природу. В соответствующем идеологическом и публицистическом контексте они начинают в переносном плане обозначать этически и морально не одобряемые проявления и действия оппонента, противоречащие общепринятым нормам, указывая на неискренность, низость, попытку скрыть что-то общественно важное, нечестным путем добываясь своих политических целей. Данные единицы здесь обозначают *ложь* и *двуличие* оппонента, а также его цинизм и полное пренебрежение к нормам морали, представляя его как не гнушающегося никакими средствами беспардонного политического игрока.

Подобной семантикой насыщена также фразема *medialny blef* (рус. *медийный блеф*). В этом случае адресант также использует лексику, связанную с игрой (*блеф* ‘в карточной игре в покер: приём, когда игрок, имеющий плохие карты, действует так, чтобы соперники сочли его карты выигрышными’; ‘обман с целью создания преувеличенного представления о своих силах, возможностях, значимости и т.п.; действие, вводящее в заблуждение, создающее ложное впечатление’³³), которая наводит на мысль о *лжи*. Об антикоррупционной программе (так называемый «антикоррупционный щит») польского правительства лидер партии Twój Ruch Я. Паликот высказался следующим образом:

- (9) *Tarcza antykorupcyjna miała być jednym z najważniejszych zadań wskazanych przez Tuska służbom specjalnym do realizacji w 2009 r. Okazała się jedynie medialnym blefem premiera. Nieudolnym kamuflażem, jak majtkowe triki szefów koncernów budowlanych rozmawiających o numerach wynajętych pokoi w Hiltonie podczas słynnej zmowy cenowej*³⁴.

³³ <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?bts=x&lv=x&word=%E1%EB%E5%F4> [21.05.2014].

³⁴ <http://palikot.blog.onet.pl/2013/11/28/tusk-spuszczaj-majtki/> [21.05.2014].

Как и в предыдущих примерах, в этом случае рассматриваемую фразему сопровождают другие единицы, обозначающие оценку: *kamufłaż* (рус. камуфляж/маскировка), *trick* (рус. трюк/фокус), *złowa* (рус. сговор/заговор).

Фразема *медийный блеф* в русском языковом материале встретилась в выступлении Н.В. Левичева, руководителя фракции «Справедливая Россия», во время заседания Государственной Думы в 2008 году, посвященного грузинско-осетино-абхазскому конфликту:

- (10) *Отражение мировыми СМИ трагических событий на Кавказе показало, что виртуальный экран может превратиться в поле информационной битвы за сознание зрителей, мысли и чувства которых фактически захватывают, как военный плацдарм. Оказалось, что во многих зонах мирового информационного пространства царит откровенно лживая пропаганда, а хваленые демократические институты гражданского общества не располагают достаточными ресурсами, чтобы разоблачать **медийный блеф***³⁵.

Здесь появляется эксплицитное указание на *ложь*, в прилагательном *лживый*, или, с фразематической точки зрения, — в словосочетании *лживая пропаганда*, используемого автором текста как синоним последующего выражения *медийный блеф*.

Единицей, сочетающей понятие *лжи* с попытками *отвлечь внимание* с целью *скрыть* что-то или *обмануть* кого-то, является также фразема *zamiatąć pod dywan* (рус. *заметать под ковер*). Значение *скрыть какой-то плохой поступок* основывается здесь на первоначальном значении небрежной уборки, попытке скрыть мусор под ковром в силу убеждения о том, что чего не видно, не вызывает упреков, критики. Этой фраземой воспользовался Я. Курски по отношению к так называемой «ленточной афере» (польск. *afera taśmowa*) 2013 г. в нижнесилезских структурах партии Platforma Obywatelska:

- (11) — *W oczywisty sposób doszło do korupcji politycznej. Są dwie taśmy i to pokazuje skalę tego zjawiska [...] — Istota sprawy jest taka, że zmieniono wynik wyborów na Dolnym Śląsku. Brak konsekwencji to **zamiecenie sprawy pod dywan**. To nie jest afera podsłuchowa, to jest korupcja polityczna — stwierdził Jacek Kurski. [...] — Dzisiaj przyklepano i **zamieciono pod dywan** korupcję polityczną. To jest skandal — powiedział Jacek Kurski*³⁶.

³⁵ <http://api.duma.gov.ru/api/transcriptFull/2008-08-25> [21.05.2014].

³⁶ <http://jacekkurski.blogspot.com/2013/11/to-pokazuje-do-jakiego-dna-po-przesza.html> [21.05.2014].

В русском языке политики появляется, соответственно, фразема *замести* что-л. *под ковер*. Не так давно ею воспользовался глава Министерства иностранных дел Российской Федерации относительно вопроса о снайперах, которые во время массовых протестов на киевской площади Независимости (так называемый Евромайдан) стреляли в толпу, убивая протестующих (антироссийские политики на Украине утверждали, что снайперы были наняты российской стороной, хотя одновременно с этим появились подозрения, что снайперов наняли лидеры протестов, откуда и высказывание Сергея Лаврова):

- (12) *«Последние сведения о так называемом 'деле снайперов', я думаю, уже невозможно будет замести под ковер. Мы предложили, чтобы ОБСЕ занялась объективным разбирательством этого факта, и будем добиваться здесь справедливости», — заявил глава МИД России³⁷.*

Примером фраземы, подчеркивающей негативные признаки оппонента и его фальшивый характер, можно считать выражение *w trosce o prawdę* (рус. *заботясь о правде*). В этом случае наблюдается ирония, так как оценка представляется как положительные заявления или действия говорящего. Указывая на то, что он проявляет заботу о правде, что она для него небезразлична, говорящий вместе с тем дает понять адресату, что тот, о ком говорится в высказывании или на кого в нем намекается, не заботится о правде, искажает ее, а значит, не искренен и фальшив. Правда для него не имеет значения или, что еще более вероятно, он ее хочет скрыть. Пример (13) представляет высказывание Я. Хартмана о католической церкви в контексте спора о гендере:

- (13) *Napisaliśmy te słowa w trosce o prawdę. Czy również w trosce o Kościół? Tak — bo choć jesteśmy bardzo krytyczni wobec poczynań Kościoła, szczerze zależy nam na tym, aby Kościół katolicki, będący ważnym elementem życia społecznego w naszym kraju, był prawy i czysty³⁸.*

В приведенном примере, в отличие от ранее рассматривавшихся высказываний, необходимо отметить наличие положительных лексем в текстовом окружении характеризуемой единицы. Это такие единицы, как *prawy* (рус. *честный; благородный*) и *czysty* (рус. *чистый; целомудренный; непорочный*).

³⁷ <http://www.aif.ru/euromaidan/uanews/1120772> [21.05.2014].

³⁸ <http://hartman.blog.polityka.pl/2013/12/27/...> [21.05.2014].

В некоторых случаях рассматриваемая фразема может употребляться для выражения эксплицитной оценки. Это осуществляется посредством использования в препозиции частицы *не* или интенсификаторов *мало* [...], *не очень* [...], *не слишком* [...] (в польском языке это *nie* [...], *przecież nie* [...] или *niewiele* [...] *niezbyt* [...] при деепричастной конструкции *troszcząc się o prawdę*) и пр. Примером подобного рода могут послужить слова из статьи известной российской журналистки Анны Политковской, написанные ею в 2002 году:

- (14) *И, в-третьих, многие коллеги вслед за властями и военным руководством страны готовы делать сегодня все, что угодно, давать любые интервью, не заботясь о правде, писать о «жареном» даже там, где его нет, — только бы не замечать братоубийственной трагедии, что творится сегодня в Чечне*³⁹.

В данном случае отрицание приводимой фраземы сопровождается негативно окрашенной лексикой: *братоубийственный* (польск. *bratobójczy*), *трагедия* (польск. *tragedia*).

2.2. Фраземы со значением отсутствия этических (моральных) принципов

В категорию этической (моральной) оценки входят также те единицы, которые указывают на отсутствие у оппонента этических или моральных принципов. С этической (моральной) точки зрения это расценивается с позиции говорящего как негативное явление. Если рассматривать отсутствие этических или моральных принципов в оппозиции *добро* — *зло*, оно однозначно получит значение *зло*. Отсутствие таких принципов можно считать проявлением крайнего приспособленчества, характеризующегося стремлением достигать своих целей любыми средствами. .

К понятиям, которые входят в группу моральных или этических ориентиров, следует относить такие, как *совесть* (польск. *sumienie*) ‘чувство моральной ответственности за своё поведение; нравственная самооценка своего поведения’⁴⁰, *ответственность* (польск. *odpowiedzialność*) ‘необходимость давать отчёт в своих действиях, поступках и т.п.; обязанность

³⁹ <http://politkovskaya.novayagazeta.ru/pub/2002/2002-12.shtml> [21.05.2014].

⁴⁰ <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?bts=x&lv=x&word=%F1%EE%E2%E5%F1%F2%FC> [21.05.2014].

отвечать за их возможные последствия⁴¹, но также, к примеру, и постоянство своих убеждений, наличие собственного мнения, способность придерживаться и отстаивать его и т.д. Полной противоположностью наличия каких-либо принципов выступает то, что определяется понятием *цинизма*, ‘пренебрежительного отношения к нормам нравственности, благопристойности, к чему-либо пользующемуся всеобщим признанием, уважением’⁴².

В контексте проблемы педофилии в Польской католической церкви и «идеологии гендер» Я. Хартман пишет, апеллируя к эмоциям, связанным с понятием *совести*:

- (15) *Zgorszeniem jest również odmawianie przez Kościół polski przyjęcia na siebie odpowiedzialności [...] pod cynicznym pretekstem, że polskie prawo cywilne tego nie przewiduje. Nie przewiduje — ale nie zabrania. Trzeba nie mieć sumienia, by zrzucić z siebie odpowiedzialność i rzucać ofiarom w twarz taki argument*⁴³.

В данном примере, хотя и прибегая к безличной конструкции, автор говорит об отсутствии совести у иерархов католической церкви, подразумеваемая при этом отсутствие у них моральных принципов, чувства морали, которыми должно отличаться духовенство, основывающее свое вероучение на христианской морали. Фразема *nie mieć sumienia* в примере (15) сопровождается фраземой *zrzucić z siebie odpowiedzialność*, указывающей на отсутствие чувства ответственности как принципиальной основы морали.

Фразема *nie mieć sumienia*, как и русский ее эквивалент *не иметь совести*, может использоваться не только в контексте веры. В русском материале она встретилась, в частности, на интернет-сайте Коммунистической партии Российской Федерации, а точнее, ее Приморского краевого отделения, в связи с парламентскими выборами 2007 года:

- (16) *Нет. У власти **совести нет**. Это становится всё яснее день ото дня по мере поступления новых жалоб о нарушениях избирательного законодательства от граждан. [...] один из главных вопросов [...] что заставляет правящий режим [...] обманом и клеветой, попирая элементарную порядочность и даже собственные законы, загонять избирателя в стойло «Единой России»?*⁴⁴

⁴¹ <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?bts=x&lv=x&word=%EE%F2%E2%E5%F2%F1%F2%E2%E5%ED%ED%EE%F1%F2%FC> [21.05.2014].

⁴² <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?bts=x&lv=x&word=%F6%E8%ED%E8%E7%EC> [21.05.2014].

⁴³ <http://hartman.blog.polityka.pl/2013/12/07/redemptorysta-pisze-do-hartmana/> [21.05.2014].

⁴⁴ <http://new.pkokprf.ru/info/3062> [21.05.2014].

Вопрос об ответственности затрагивается также в контексте новейших событий на Украине в высказываниях пользователей Интернета:

- (17) *Оппозиция два месяца не действовала и кормила всех обещаниями о едином лидере. Сейчас они **слагают с себя ответственность** и переключаются на людей. Да, хороши, ничего не скажешь*⁴⁵.

Особенный интерес представляет интерпретация приведенного комментария пользователем, придерживающимся другой точки зрения, что наглядно указывает на характер политической борьбы, ведущейся уже не только среди политиков, но и среди приверженцев тех или иных политических фракций в самом Интернете:

- (18) *Вы провокатор, потому что требуете выдать власти точку, в которую нужно бить. Ахиллесову пяту протеста. Такой точки нет, есть протестующий народ. Пусть это не большинство, но к нему НАДО прислушиваться и назначать досрочные выборы, чтобы подтвердить легитимность власти, если власть уверена в своей легитимности*⁴⁶.

Отсутствие ответственности, постоянства убеждений, умения их отстаивать, а значит, и собственной воли, невладения самим собой и общей слабости характера имплицитно фразема *tańczyć jak kto komu zagra* (рус. *плясать под чью-л. дудку*). Стоит отметить, что данная фразема является «обоюдоострым оружием», которое наряду с оценкой того, кто «пляшет», дает и оценку тому, кто «на дудке играет»: отсутствие принципов и цинизм. О лидере партии „Prawo i Sprawiedliwość” Ярославе Качиньском Я. Хартман пишет:

- (19) *Dziś Kaczyński **tańczy, jak mu Hofmany zagrają**. Lew z obciętymi pazurami i wyleniałą grzywą będzie ryczał, gdy go za ogon pociągną. Nie jest w stanie ich zniszczyć, tak jak zrobił to z tyloma innymi. Został sam, bezradny, pozbawiony partnerów, z którymi mógłby przejąć władzę. I właśnie dlatego władzy nie przejmie*⁴⁷.

Образ Я. Качиньского дополняет представление его как *льва с линялой гривой*, который *будет реветь, когда его за хвост потянут*, что в дальнейшем ассоциируется у автора с *беспомощностью*. В свою очередь, одним из тех, «под чью дудку пляшет» Качиньски, в оценке Я. Хартмана, является Адам Хоффман — пресс-секретарь партии, а также ряд ему подобных.

⁴⁵ http://www.pravda.com.ua/rus/news/2014/01/19/7009931/view_comments/ [21.05.2014].

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ <http://hartman.blog.polityka.pl/2013/10/28/kaczynski-kaputt/> [21.05.2014].

Примером употребления русской фраземы *плясать под чью-л. дудку* является высказывание Юлии Тимошенко, известной украинской политической деятельницы, связанной с событиями Оранжевой революции, а в последнее время также с событиями Евромайдана:

- (20) *«Ошибка мира в том, что он продолжает пропускать зарождение и становление нового фашистского режима. Если мир простит ему и в дальнейшем продолжит бездействие по отношению к Украине, этот режим станет доминирующей и основной силой в Европе. Если мир промолчит, то будет вынужден **плясать под дудку** Путина», — убеждена Юлия Тимошенко⁴⁸.*

Здесь, в контексте международной политики и бурных событий 2013—2014 гг. на Украине, цинизм приписывается президенту Российской Федерации. Упомянутые ранее отсутствие ответственности, постоянства убеждений, умения их отстаивать, воли, невладения самим собой и общей слабости характера, способствуют, по словам Тимошенко, *становлению нового фашистского режима*, приписываются *миру*, т.е. всем субъектам мировой политики, способным оказать влияние на действия власти Российской Федерации.

Отсутствие этических (моральных) принципов, хотя и в несколько ином ракурсе, выражается во фраземе *Himalaje cynizmu* (рус. *Гималаи цинизма*). Ключевой в этом случае будет уже упомянутая лексема *цинизм*, значение которой усиливается с помощью метафорического употребления названия горной системы, хотя обычно, как в польском, так и русском языках, для подобного усиления используется обычно имя нарицательное *szczyt* (рус. *вершина*), также заимствуемое как переносное из лексики, связанной с горами. Выражение *Himalaje cynizmu* в последнее время появляется довольно часто в контексте политической борьбы. В примере (21) Я. Паликот высказывается о выдвинутой партией Platforma Obywatelska идее отмены финансирования политических партий из бюджета. Поскольку этот политический лидер считает, что РО «имеет 100 млн. на банковском счете», он употребляет фразему *Гималаи цинизма* по отношению к данной партии:

- (21) *Tu PO bije **Himalaje cynizmu!** Partia, która ma 100 mln na koncie, domaga się wstrzymania finansowania innych partii! [...] Otóż genialny projekt PO zakłada likwidację subwencji budżetowej, a partie mają mieć pieniądze od obywateli, którzy spontanicznie, masowo, bez żadnych „specjalnych” zachęt, będą wpłacać partiom na konto darowizny⁴⁹.*

⁴⁸ http://www.tymoshenko.ua/ru/article/yulia_tymoshenko_19_03_2014_01 [21.05.2014].

⁴⁹ <http://palikot.blog.onet.pl/2013/11/08/cynizm/> [21.05.2014].

Для русского языка теоретически возможна конструкция *Гималаи цинизма*, хотя письменные примеры подобного употребления не отражают. Эквивалентом приведенного польского оборота в языке российской политики необходимо считать общеизвестную единицу *вершина цинизма*:

- (22) *«Не нужно обладать богатой фантазией или проницательностью, чтобы предсказать реакцию России на законы, касающиеся ликвидации воинских захоронений. По моему мнению, это вершина цинизма, когда пытаются придать статус уничтожению памятников, установленных в честь погибших советских солдат. Они пришли спасать, а не поработать»*, — сказал депутат⁵⁰.

3. Заключение

Приведенные примеры употребления выбранных из публицистических текстов фразем позволяют сделать предварительные выводы, а также выдвинуть некоторые предположения об особенностях их функционирования в качестве оценочных единиц в языке политики.

Немаловажным явлением для интересовавшей нас проблемы было, в первую очередь, то, что практически все отобранные нами польские единицы имеют эквиваленты и равным образом употребляются в русском языке политики.

Второе, на что следует обратить внимание, это то, что примеры (1)—(3) подтверждают высказанное нами мнение, что применительно к одному и тому же событию языковые средства оценки могут быть аналогичны даже с точки зрения двух противоречащих друг другу систем ценностей. В этом заключается параллелизм оценок, даваемых разными говорящими одному и тому же факту, при отличии у них системоценностных установок, идеологических взглядов и предпочтений.

Третье, что также следует из анализа, это то, что этическая (моральная) оценка, даваемая оппоненту (тому или иному лицу, политической партии, сторонникам определенной идеологии), выражается главным образом имплицитно, с помощью (1) контекстуальной отнесенности к действиям объекта оценки: *(nie) dać się oghupić*; *(nie) dać się nabrać*; *(не) дать себя одурманить*; *(не) дать себя обмануть*, (2) контекстуальной аксиологической актуализации при оценке действия объекта оценки: *zastłona dytma*; *odwracać uwagę*; *medialny blef*; *дымовая завеса*; *отвлечь внимание*; *медийный блеф*, (3) метафорического называния самого действия объекта оценки оценочной

⁵⁰ http://www.russianboston.com/common/arc/story.php/310205?id_cr=130 [21.05.2014].

фраземой: *zamieść coś pod dywan*; замести что-л. под ковер, (4) прямого названия самого действия объекта оценки оценочной фраземой: *zrzucić z siebie odpowiedzialność*; слагать с себя ответственность, (5) иронических средств, т.е. мнимую положительную оценку субъекта высказывания. Эксплицитность оценки, в свою очередь, возможна при фраземах, которые (1) метафорически определяют примету объекта оценки (*tańczyć jak komi zagrają*; плясать под чью дудку) или (2) прямо называют примету объекта оценки (*nie mieć sumienia*; не иметь совести). При этом следует помнить о том, что польская фразема *nie mieć sumienia* в приводимом примере (15) была употреблена безлично, а субъектом *nieumienia sumienia* в примере (16) была названа власть (не являющаяся, собственно, личностью).

Четвертое: оценочные фраземы практически не встречаются в текстах вне связи с уточняющей их дополнительной, в том числе оценочной лексикой, нередко при этом такой, которая может быть еще более интенсивной в смысле оценочности. В связи с этим можно говорить о явлении аксиологической когезии (в некоторых из приводимых примеров прямо указывалось на подобную корреляцию).

Подобных примеров с их типологическими различиями можно выбрать и выделить больше. Однако представляется, что и при большем количестве исследуемых единиц отмеченные тенденции имплицитности и когезии будут удерживаться, поскольку, по нашим предположениям, это одни из самых важных, если не определяющих, черт языка политики.

И, наконец, судя по высказываниям политиков в целом, отметим, что к этическим (моральным) оценкам участники политической сцены прибегают постоянно и очень охотно. Это связано с тем, что, наряду с оценками общественного характера (*дружественный, мягкий, свойский, неприязненный, агрессивный, враждебный, националистический, шовинистический* и т.д.), оценки такого рода обладают значительной силой воздействия на адресата, а именно это и составляет цель любого публицистического и политического высказывания.

Обзор текстов политического характера подтверждает тот факт, что элемент игры или борьбы в политически стабильных странах не проявляет себя со стороны власти как отчетливый элемент. Если он присутствует, то не как основная составляющая, а как маргинальная часть политического дискурса в случае действий оппозиции, затрагивающих особо важные ценности или возбуждающих сильные эмоции отдельных политиков правящих политических сил. Деятельность власти в основном направлена на введение определенных регуляций, имеющих целью оптимальное, с ее точки зрения, функционирование государства, управление им «в социальной, экономической, культурной, военной и других сферах»⁵¹, воздействие

⁵¹ *Słownik języka polskiego...*

«на ход жизни общества, решение социальных проблем и т.д.»⁵² (отсюда вытекают такие определения слова *политика*, как *экономическая*, *финансовая*, *торговая*, а также сочетания типа *политика в области жилищного строительства*). Следовательно, в данном случае, элемент *борьбы* появляется преимущественно со стороны политических оппонентов. Усиление элементов *борьбы* наблюдается до момента завоевания власти какой-либо партией, т.е. в процессе достижения ей своих целей.

⁵² <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?bts=x&lv=x&word=%EF%EE%EB%E8%F2%E8%EA%E0> [21.05.2014].